первичный обзорный радиолокатор и secondary surveillance radar (SSR) – вторичный обзорный радиолокатор.

Вокруг термина radar группируются словосочетания и целый понятийный ряд, некоторые термины применимы не к оборудованию, а сопутствующей системе и технологии работы: non-radar separation, precision approach radar, primary radar, PSR blip, radar approach, radar clutter, radar contact, radar controller, radar control, radar display, radar identification, radar map, radar monitoring, RPI, RPS, radar separation, radar service, radar track position, radar unit, radar vectoring, secondary radar, SSR response, surveillance radar.

Немаловажным является тот факт, что термин radar также имеет значение «диспетчерский пункт круга – ДПК», что не имеет аналогов в английской терминосистеме. Следует помнить, в непосредственно аэронавигационной терминологии, используется понятие «радиолокатор – radar». Синонимичные понятия «радар» и «локатор» (locator) – отсутствуют. Встречается терминологическое словосочетание «locator beacons».

Немаловажным является тот факт, что многие термины, фразеологизмы и идиомы из судостроения и мореходства перешли в авиацию, приобрели иные значения, некоторые остались неизменными, а некоторая часть стала основой новых фразеологических единиц. Например, сохранилось изначальное значение терминов starboard – правый борт и port – левый борт. Термин «двухпалубное судно» (морское) – two decks перешел в авиационное «double-deck aircraft». Также отмечено использование идиомы «Zulu time» – «Зулуское время», среднее время по Гринвичу. В ходе исследования фразеологии мореходства был выявлен жаргонизм «sky pilot» – священник, «проводник на небо» – в данном случае подразумевается религиозный аспект. Современные реалии противоречат наличию такого термина, т.к. pilot – летчик, пилот – подразумевает собой использование воздушной среды.

Таким образом, следует сделать вывод, что фразеология радиобмена может и должна рассматриваться как предмет языкознания. При дальнейшем анализе стоит обозначить специфику, классификацию и методы изучения фразеологических единиц, используемых при ведении радиосвязи.

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Издательство ЛГУ, 1963. – 208 с.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 318 с.
3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 2-е изд-е, перераб.– М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.
4. Солодилова, И.А. Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты современной фразеологии: монография / И.А. Солодилова, В.Е. Щербина; Оренбургский гос. ун-т. - Оренбург: ОГУ, 2011. – 377 с.

Баранова А.В.

**«Простаки» – первое обращение русских переводчиков к роману Томаса Гарди
«Джуд Незаметный»**

*Севастопольский государственный университет
(Россия, Севастополь)*

doi: 10.18411/lj-04-2019-85

idsp: ljjournal-04-2019-85

Аннотация

В статье представлены результаты комплексного исследования первого подхода русских переводчиков к переводу последнего романа викторианского писателя Томаса Гарди «Джуд незаметный». Отмечается, что стабильная популярности Томаса Гарди в России в конце XIX в. подтверждается «оперативностью» появления переводов новых на тот момент произведений Гарди в русской периодике. Решения, реализованные в переводе первых глав романа «Джуд незаметный», отражают типичные для того времени тенденции в переводах из Гарди: трансформацию композиции под стандарты малых эпических форм, «стирание» образа рассказчика, удаление или смягчение элементов

натурализма и чувственности в описании женских образов, характерных для нарраторского стиля Гарди.

Ключевые слова: роман «Джуд незаметный», Томас Гарди, В.Е. Кардо-Сысоева, «Простак», переводческая рецепция, особенности русских переводов из прозы Гарди конца XIX в.

Abstract

The paper provides a complex study of the first approach to translating Thomas Hardy's "Jude the Obscure" in Russia. Such kind of research is relevant in terms of studying the history of translated Russian literature, and retranslation phenomenon. It also helps to retrace the presence of a translated literary writing in a new literary environment through translators' reception.

The novels and short stories by Hardy were quite popular in Russia at the end of the 19th century, which is proved by a number of translations that were regularly published in Russian magazines soon after the first original Hardy's writing had been published. The translation of "The Simpletons", issued in December 1894 and translated by V.E. Cardio-Sysoyeva, is not an exception.

The comparative analysis of the target and source texts reveals the typical translator's decisions that were made while translating Hardy's prose into Russian at the end of the 19th century. They are as follows: the original composition was often transformed to fit a standard short fiction structure, the narrator's image was reduced, and the elements of naturalism and in Hardy's description woman's sexuality were put milder or completely reduced.

Key word: "Jude the Obscure", Thomas Hardy, V. E. Cardio-Sysoyeva, "The Simpletons", translator's reception, Russian translation of Hardy's fiction in the 19th century.

В одной из крайне немногочисленных зарубежных публикаций, посвященных переводам прозы Томаса Гарди в России и СССР, было выдвинуто предположение, что история русских переводов из Гарди гораздо богаче, чем ее представляют на родине писателя [1.]. До недавнего времени - эта тема оставалась мало изученной и российскими исследователями, хотя, еще в 1980 г. в СССР была выпущена библиография произведений викторианского писателя, включившая фактически все русские переводы советского и досоветского периода [2.]. Если объектом современных российских исследований творчества Гарди являются его оригинальные тексты или тексты переводов советского периода, то переводы его прозы, выполненные в дореволюционный период, остаются вне поля зрения гардиведов. Однако исследования неканонических или устаревших переводов, безусловно, являются актуальными, как с точки зрения заполнения «белых пятен» в истории русской переводной литературы, так и в аспекте исследования эволюции бытования зарубежных переводных произведений в принимающей литературе, в частности, через анализ особенностей переводческой рецепции, что подтверждается наличием подобных современных публикаций по истории переводной русской литературы [3., 4., 5.].

Особенный интерес представляет период «вхождения» иноязычного писателя в русскую переводную литературу через первые переводы его произведений. В этом смысле, первые «встречи» русского читателя с творчеством Томаса Гарди относятся к 90-м годам XIX в. [6.]. Переводы этого периода заслуживают внимания с точки зрения выбора литературного материала-источника, его полноты, специфики передачи, а также факторов, обусловивших переводческие решения. Цель настоящей статьи – представить результаты исследования первого подхода русских переводчиков к переводу романа «Джуд Незаметный» (Jude the Obscure), закрывшего этап романного и прозаического творчества Гарди.

Впервые роман был опубликован под заглавием «The Simpletons» (Простак) в декабрьском номере журнала «Harper's New Monthly Magazine» (Харперс) в 1894 г. В

последующих номерах заглавие было изменено на «Мятежные сердца» (Hearts Insurgent), а затем «Мечтатель» (A Dreamer) [7.]. Роман публиковался в течение 1895 г., однако сюжет журнальной версии претерпел значительные изменения и сокращения, что привело к некоторым фабульным нестыковкам в угоду соблюдения моральных и этических норм. Так, в журнальной версии между Сью и Джудом нет интимных отношений, а, следовательно, в романе нет образов детей и их смерти; встретив Арабеллу после ее возвращения из Австралии, Джуд не проводит с ней ночь в гостинице. Таким образом, большая часть корректировки романа относилась к описанию интимных отношений героев и их последствий. Следует отметить, что в период между публикациями журнальной и книжной версий Гарди оставался в поиске окончательного варианта заглавия. Многие критики сходятся во мнении, что название «Simpletons», прежде всего, соотносится с образами Джуда и Сью и отражает такие их качества, как простота, наивность, непрактичность, неприспособленность к суровым жизненным реалиям [8.]. Однако позже автор приходит к заголовку «Jude the Obscure», тем самым подчеркнув центральную фигуру романа и наделив ее гораздо более сложными и трагичными личностными качествами, обозначенными полисемичным прилагательным, находящимся в постпозиции к имени [9.]

Уже в августе 1896 г., появляется русский перевод отрывка из «Простаков», выполненный Варварой Ефграфовной Кардо-Сысоевой и напечатанный в трех номерах газеты «Русские ведомости» [10.]. Отметим, что в переводном подзаголовке указывается, что перевод представляет «отрывок из рассказа Томаса Гарди». Отрывок является переводом первой части романа, опубликованной в декабрьском номере 1894 г. журнала «Харперс». Эта часть в английском журнале заканчивается разговором подружек Арабеллы, в котором они обсуждают ее планы «поймать простачка». Финалом русского перевода является более ранняя сцена, впоследствии оказавшаяся переломной в судьбе Джуда, в которой он предвкушает свидание с Арабеллой: *«Мимолетная рассудительность утратила свою силу, и Джуд опять совершенно растерялся под наплывом свежего неизведанного наслаждения. Он ясно осознавал только одно: завтрашний день он опять увидит ее, эту девушку, которая так странно разжигала его чувства»*. [10. № 344]. Таким образом, русский читатель расстается с главным героем в тот момент, когда его разочарования и невзгоды только начинают приобретать свои очертания, а слепая сила судьбы начинает рассеивать его иллюзии. Тем не менее, такой исход участи героя легко предугадывается читателем уже в переводе начала произведения. Завершив перевод этой сценой, переводчица придала определенную логическую законченность отрывку при открытом финале.

В целом первый русский перевод романа Гарди – отрывка «Jude the Obscure» – достаточно близок к тексту оригинала. Было ли это осознанным выбором переводческой стратегии В. Е. Кардо-Сысоевой, или небольшой объем переводимого материала определил подобный подход, но перевод «Простаки» сохранил гораздо больше описаний внутреннего мира Джуда, по сравнению с первым полным переводом романа, выполненным годом позже другим переводчиком [11.]. В переводе отрывка переданы почти все внутренние монологи Джуда, многие авторские рассуждения, библейские аллюзии и прочие отступления от внешней фабульной линии оригинального текста. Основной конфликт тонкой душевной организации, сострадательной натуры главного героя и суровой неумолимой реальности мира, составляющий одну из геометрических оппозиций произведения Гарди, четко прослеживается в переводе Кардо-Сысоевой. Для сравнения мы приводим фрагменты переводов, выполненных В.Е. Кардо-Сысоевой, и И.В. Майнова, годом позже выполнившего первый перевод всего романа Гарди:

Оригинал	Перевод В.Е. Кардо-Сысоевой	Перевод И.В. Майнова
... not from the perception of the flaw in the terrestrial scheme, by which what was good for God's birds was bad for God's gardener [12.C. 68].	и не от сознания всей несправедливости житейской логики, в силу которой для человека было худо то, что было хорошо для птицы Божьей [10. № 210].	_____
... This weakness of character, as it may be called, suggested that he was the sort of man who was born to ache a good deal... [12. C. 69].	Такая слабость характера, как мы, быть может, это назовем, ясно говорила, что из Джуда выйдет человек, которому придётся узнать много душевных страданий... [10. №210].	Такая слабость характера, – как пожалуй можно назвать эту черту, – указывала, что Джуд был из категории неудачников, которым суждено много пострадать... [11. №4. С. 76].

Подробно и полно переведена сцена, связанная с представлениями Джуда о Кристминстере как о сказочном городе. Перевод всех деталей, библейских сравнений, прямой речи Джуда позволяют читателю ощутить состояние героя, увидеть мир через призму его мировосприятия. Таким образом, достигается большая вовлеченность читателя не только в сюжетный уровень произведения, но и в более глубокие психологические слои романа. Для наглядности сравним фрагменты двух переводов:

Перевод В.Е. Кардо-Сысоевой	Перевод И.В. Майнова
<p>Джуд был вознагражден за свою отвагу; но то, что он увидел, были не ламповые огоньки в окнах, как он этого ожидал, то было целое сияние или зарево, стоявшее сводом над темной полосой неба, и казалось, что будто город теперь не более как на одной или двух милях расстояния. Джуд принялся раздумывать, под какой точкой этого сияния может находиться его учитель, который теперь не имел ничего общего с Меригрином и как бы вовсе не умер для его обитателей. И вот мальчику почудилось, будто он видит мистера Филотсона, как он прогуливается в этом сиянии также свободно, как три библейские отрока в пещере Навуходоносора.</p> <p>Джуд слышал, что ветер несется со скоростью десяти миль в час, и теперь ему вспомнилось это обстоятельство и, обернувшись лицом к северо-востоку, он раскрыл губы и стал вбирать в себя ток воздуха, как будто бы это был самый сладостный напиток.</p> <p>Быть может, час или два назад ты был в Кристминстере, – говорил Джуд, с какою-то особой лаской, мысленно обращаясь к ветру, – ты летал по его улицам, ты заставлял крутиться флюгера, и может быть, сам Филотсон вдыхал те самые струйки, которые сейчас вдыхаю я... [10. №342].</p>	<p>...над городом еще разливалось потухающее зарево заката, причем самый город представлялся в расстоянии около двух миль. Всматриваясь в перспективу города, Джуд дал волю своей фантазии и размышлял о его улицах, домах, жителях, о счастливым учителе. Вдруг пахнул ветерок и с его дуновением что-то донеслось до слуха Джуда, точно желанная весточка из города. Вероятно это был звон колоколов, нежный и музыкальный, как бы говоривший ему: «Как хорошо у нас, как все счастливы здесь!» [11. №4. С. 81]</p>

Однако нельзя утверждать, что перевод «Простак» сделан без сокращений или пропусков. Большинство пропусков относятся к образу «всезнающего» рассказчика, а именно его комментарии относительно того, «что было бы, если бы все было по-другому». Этот прием Гарди ранее использовал в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (Tess of the d'Urbervilles), заканчивая подобным отступлением «сцену соблазнения». Такой прием «увеличения масштаба полотна» позволяет читателю «в одном мгновении видеть вечность», в одной трагичной судьбе – трагедию судеб многих людей. Он также помогает автору создать определенное настроение в восприятии дальнейших событий сюжета, задать им масштаб трагедии, заставляет читателя размышлять о роли случая в судьбе. Не случайно многие исследователи творчества Гарди отмечают трагизм, как один из основных элементов его произведений, усиливающийся от романа к роману [13.].

Можно предположить, что подобный трагический пафос укладывается в формат больших прозаических форм, и гораздо менее характерен для формата рассказа, в котором позиционировался перевод отрывка романа. По-видимому, такая смена эпической формы привела к редуцированию образа рассказчика в переводе Кардо-Сысоевой:

Оригинал	Перевод	Дословный перевод
Somebody might have come along that way who would have asked him his trouble, and might have cheered him by saying that his notions were further advanced than those of his grammarian. But nobody did come, because nobody does; and under the crushing recognition of his gigantic error Jude continued to wish himself out of the world [12. С. 75].	И бедный мальчуган от души пожелал бы никогда не видеть этих книг, более того – он желал бы никогда не родиться на свет Божий [10. №342]	Кто-то мог бы, проходя мимо, спросить его о его горе и мог бы подбодрить его, сказав, что такие его размышления – гораздо прогрессивней, чем у этих филологов. Но никто не пришел, потому что никто не приходит; и под сминающим осознанием своей огромной ошибки, Джуд продолжал жалеть о том, что он пришел в этот мир.

Сокращения также коснулись некоторых «второстепенных» деталей, напр. описание деревенских религиозных суеверий и национальных предрассудков и иронии рассказчика.

Существенно трансформировался в переводе Кардо-Сысоевой и образ героини, Арабеллы, которая в дальнейшем по сюжету сыграет важную роль в трагической судьбе героя. Перевод отрывка из «Простаков», представляет экспозицию и небольшую часть завязки сюжета романа: знакомство Джуда с Арабеллой. Следует отметить, что в английской журнальной версии описание внешности героини смягчено, по сравнению с последующей книжной версией. Так, в журнальной версии во фразе: «*She was a complete and substantial female animal*» (Она была абсолютная, настоящая самка) слово «*animal*» (животное) было заменено на «*human*» (человек), что можно было бы перевести как «настоящая женщина». Однако и такое смягчение, по-видимому, показалось переводчице недостаточным, и внешность Арабеллы в переводе описывается нейтрально, без негативного отношения рассказчика. Не упоминается и умение Арабеллы делать ямочки на щеках, что в оригинальном тексте является первым «признаком» ее фальшивости.

Оригинал	Перевод	Дословно
he whom he addressed was a fine dark-eyed girl, not exactly handsome, but capable of passing as such at a little distance, despite some coarseness of skin and fibre. She had a round and prominent bosom, full lips, perfect teeth, and the rich complexion of a Cochin hen's egg. She was a complete and substantial female human -no more, no less [12. С. 79]	Та из них, к которой он обратился, была красивая, темноглазая девушка, не то чтобы настоящая красавица, а могущая сойти за таковую, на известном расстоянии, по крайней мере. У нее был полный стан, полные губы, два ряда красивых зубов и здоровый цвет лица [10. № 344].	Она была привлекательная темноглазая девушка, не то чтобы красивая, но способная казаться таковой на небольшом расстоянии, не смотря на несколько огрубевшую кожу. У нее была круглая большая грудь, полные губы, отличные зубы, и цвет кожи яйца кохинхинки. Она была абсолютная, настоящая самка – ни больше, ни меньше.

Таким образом, первым подходом к переводу романа «Джуд незаметный» на русский язык явился перевод В.Е. Кардо-Сысоевой отрывка (первых шести глав) журнальной версии подлинника, озаглавленного изначально «Простаки». При довольно полном переводе отрывка особое внимание переводчица обратила на образ главного героя, развитие его внутреннего мира. Тем не менее, часть деталей, относящихся к раскрытию образа Джуда, осталась не переведенной, что, возможно, связано с форматом «рассказа». Изменение эпической формы, по-видимому, также обусловило и «затушевывание» образа «всезнающего рассказчика» в русском тексте. Его образ предстает размытым, повествование менее субъективным, а авторская ирония максимально удалена. Смягчение в натуралистичном описании внешности Арабеллы, возможно объясняется как этическими нормами издательства, так и переводческим выбором Кардо-Сысоевой, ее личностными качествами.

Изучение переводов из Гарди, конца XIX в. позволяет сделать вывод о том, что, подобные переводческие решения – удаление или значительное редуцирование образа рассказчика, приведение композиции к «стандартам» малых эпических форм, а также

сглаживание элементов натурализма в авторском нарративе – представляют характерные особенности всех переводов викторианского писателя, сделанных в конце XIX в.

Безусловно, возникает вопрос о причинах отсутствия переводов следующих глав романа: ни журнал «Русские ведомости», ни сама переводчица более не обращались к этому произведению Гарди. Не располагая никакими документальными подтверждениями, все же можно предположить, что, во-первых, перевод всего романа изначально не был запланирован. Не случайно, текст перевода Кардо-Сысоевой, представлен как «отрывок из рассказа». Во-вторых, судьба последующих переводов этого романа на русский язык косвенно подтверждает предположение, что «скандальность» «Джуда незаметного» не обеспечила ему популярность в России. Мрачность, безысходность и бессмысленность существования составляют основную тональность романа, что может быть востребованным в массовой литературе лишь в редкие исторические периоды.

1. Weber, C. J. Russian Translations of Hardy // Colby Library Quarterly. – 1954. Vol. 3., is. 15. P. 253–256.
2. Парчевская, Б.М. Томас Харди: Библиографический указатель / сост. Б.М. Парчевская. М.: Книга, 1982. 120 с.
3. Syskina, A.A., Kiselev, V.S., Lonoff, S., Matveenko, I.A., Aizikova, I.A. Female Images in Jane Eyre and the Woman in White in Russian Translations of the 1840–60s Bronte Studies. 2017. Vol. 42. N. 2. P. 118–129.
4. Шерстнёва, Е.С. Переводческая рецепция «Писем к молодому поэту» Р.М. Рильке // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. С. 246–252.
5. Сумцова, О.В. Русская переводческая рецепция сенсационного романа Ч. Рида «Grithith Gaunt, or Jealousy» (1860-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 50–60.
6. Баранова, А. В. Периодизация русских переводов прозы Томаса Гарди в России: к постановке проблемы переводческой рецепции прозы Гарди в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 13–20.
7. Purdy, R.L. Thomas Hardy: a Bibliographical Study / R.L. Purdy. London; N.Y.: Oxford University Press, 1954, P. 88–91.
8. Millgate, M. Thomas Hardy: His Career as a Novelist / M. Millgate. London: the Bodley Head, 1971, P. 319.
9. Абилова, Ф.А. Функция подзаголовка в романах Уэссекского цикла Т. Гарди / Ф.А. Абилова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 3–2 (34). С. 66–67.
10. Гарди, Т. Простак (Отрывки из повести) / Т. Гарди; перевод В.М. Кардо-Сысоевой // Русские ведомости. 1896. № 210. С. 2–3; № 342. С. 2–3; № 344. С. 2–3.
11. Гарди, Т. Джуд неудачник: роман пер. И. В. Майнова // Северный вестник. 1897. № 4. С. 69–102. № 5. С. 143–186. № 6. С. 184–203. № 7. С. 131–166. № 8. С. 140–174.
12. Hardy T. The Simpletons, Part 1 // Harper's New Monthly Magazine. 1894. December. P. 65–80. [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=osu.32435072710114;view=2up;seq=2;size=175> (дата обращения. 15.05.2018).
13. Абилова, Ф.А. Мотив безумия в романе Т. Гарди «Джуд незаметный» как шекспировская реминисценция / Ф.А. Абилова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11 (42), ч. 4. С. 6–8.

Блохина С.С.

Особенности предпереводческого анализа публицистического текста

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-04-2019-86

idsp: ljournal-04-2019-86

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные особенности перевода текстов публицистической направленности. Проанализировано понятие функционального стиля, перечислены стилеобразующие факторы, описаны черты, присущие публицистическому стилю. Кроме того, на основании проведенного исследования, автором выявлены основные этапы и разработана схема переводческого анализа публицистических текстов,